

ходить, а глаза сквозь желѣзо не видятъ!—возражалъ Веймаръ съ торжествующей улыбкой.

— Откуда вы узнали про кривой магнитизмъ? — не удержался Корневъ.

— Э! я спирить... Вы тоже спирить?

— Нѣтъ.

— Неужели, милый мой! Всѣ образованные люди спириты... Жаль, жаль... Вотъ и они не спириты, — кивнулъ онъ головой на прочихъ учителей.

Олинъ нетерпѣливо барабанилъ пальцами по столу и пожималъ плечами. Веймаръ посмотрѣлъ на него, пожевалъ губами, затѣмъ быстро нагнулся и вытащилъ изъ-подъ кровати четверть водки и нѣсколько рюмокъ.

— Не спириты, а спиртъ любятъ, — замѣтилъ онъ отрывисто Корневу. — Да! такъ мнѣ духи сказали, — началъ онъ прерванный разговоръ. — А знаете, гдѣ они живутъ? — Лицо Веймара озарилось счастливой улыбкой. — Ау! въ Скалистыхъ горахъ — вонъ гдѣ! Но какъ быстро долетаютъ они сюда — въ 20 часовъ! Ау! Они мнѣ записку разъ оставили вотъ на этомъ столѣ. — «Мы, говорятъ, постоянно около васъ, а вы насъ не знаете». Собирался-было я къ нимъ... Да нѣтъ! Старъ сталъ... и денегъ на проѣздъ много надо...

Веймаръ умолкъ и безцѣльно уставился въ пространство, жуя губами. Корневу стало жаль старика.

— Давно вы кончили курсъ? — спросилъ онъ.

Лицо Веймара опять озарилось счастливой улыбкой.

— Про Лобачевского слыхали? Ау! при немъ учился! Хорошее время было, — добавилъ онъ задумчиво.

Корневъ тоже залумался, глядя на него и прочихъ сослуживцевъ, подсмѣивавшихся надъ Веймаромъ.

«Гоголевскіе типы», — мелькнуло у него въ головѣ.

III.

Отецъ Корнева былъ несчастнымъ дьячкомъ гдѣ-то въ несчастномъ захолустномъ селѣ. Черезъ все прошелъ Евгеній Александровичъ — отбѣдалъ онъ и бурсы, и пѣвчества, но пробрался въ университетъ. Онъ собирался уже кончать, когда случилась исторія и ему пришлось выйти съ 4-го курса. Онъ не палъ духомъ. Годъ невольнаго отлученія отъ университета рѣшилъ онъ провести въ уѣздныхъ учителяхъ, а тамъ снова поступить